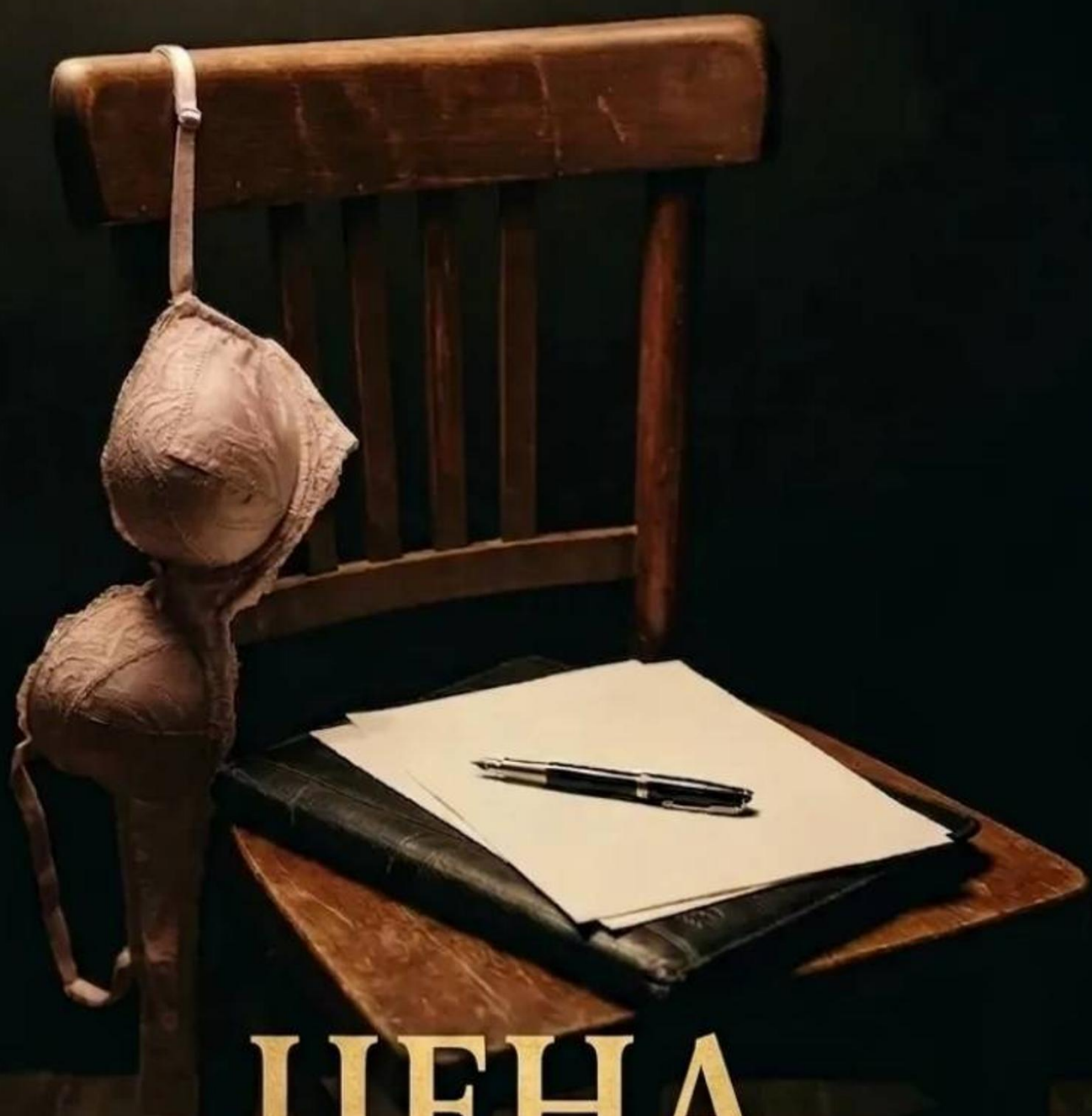

ЕЛЕНА НЕДЕЛЬКО

ЦЕНА СДЕЛКИ

КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

18+

Елена Неделько

Цена сделки

«Автор»

2026

Неделько Е.

Цена сделки / Е. Неделько — «Автор», 2026

Юрист Алина Вернер приходит к криминальному авторитету Марку Громову, чтобы закрыть долг своего отца. Но вместо денег он требует провести ночь с ним. И эта ночь меняет всё. Оказывается, Марк — главный подозреваемый в деле серийного убийцы. За ним охотится полиция во главе с капитаном Волковым. Теперь Алину разрывает на части: её тянет к опасному любовнику, но закон считает его маньяком и хочет посадить. Кто же такой Марк Громов на самом деле? И сможет ли Алина выжить между двух огней — криминальным миром и законом?

© Неделько Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Елена Неделько

Цена сделки

Глава 1

В «Эдеме» пахло дорогим виски, табаком и властью. Этот запах был плотным, почти осязаемым, он впитался в бархатные портьеры и тёмное дерево панелей. Марк, скрытый полумраком, курил сигару и лениво наблюдал за суетой. Для него это был просто очередной вечер. Механика его мира работала без сбоев: деньги текли рекой, конкуренты сидели тихо, а охрана знала своё дело. Он был здесь богом, и этот статус давно перестал приносить ему удовольствие.

Её появление было похоже на сбой в системе.

Она не вошла — она вторглась. Не было ни робости, ни заискивающих взглядов, которыми так часто одаривали его состоятельные дамы. На ней был строгий брючный костюм стального цвета, который казался броней, а не нарядом. Светлые волосы были собраны в тугий узел на затылке, открывая длинную шею. В руках она держала не клатч, а тонкую кожаную папку.

Марк прищурился. Незнакомка не была похожа на гостью. Она двигалась с целеустремленностью пули, направляясь прямо к его столу. Охрана у входа даже не попыталась её остановить — то ли не узнали в ней угрозу, то ли были загипнотизированы её холодной уверенностью.

Она остановилась у его столика, за которым он сидел один и курил, и положила папку на полированную поверхность. Звук был тихим, но в наступившей на мгновение тишине зала он прозвучал как выстрел.

— Марк Громов? — её голос был ровным, без единой эмоции. Это был голос юриста, зачитывающего сухой параграф договора.

Он медленно откинулся на спинку кресла, делая очередную затяжку. Специально максимально медленно пуская в воздух кольца дыма. В его взгляде не было ни удивления, ни страха. Только холодное любопытство.

— Зависит от того, кто спрашивает.

— Алина Вернер. Я по поводу долга моего отца.

Имя ударило наотмашь. Вернер. Тот самый Вернер, который считал себя умнее всех и чьё тело выловили из реки полгода назад. Марк помнил его — скользкий тип, который думал, что может играть по своим правилам. Долг остался. И теперь эта ледяная принцесса пришла его взыскать.

— Ваш отец был... не самым надёжным партнёром, — медленно проговорил Марк, не сводя с неё глаз. Он изучал её лицо, пытаясь найти брешь в этой маске невозмутимости. — А долги мёртвых обычно умирают вместе с ними.

— Ошибаетесь, — она едва заметно качнула головой. — Этот долг оформлен юридически безупречно. Вот здесь, — она кончиками пальцев постучала по папке, — все документы. Срок вышел вчера.

Марк усмехнулся, но улыбка не коснулась его глаз. Он протянул руку и открыл папку. Внутри лежал один-единственный лист бумаги. Его взгляд пробежал по строчкам. Всё верно. Подлинность не вызвала сомнений. Сумма была... значительной. Настолько значительной,

что её выплата создаст брешь в его обороте и станет сигналом слабости для всех стервятников в городе.

Он медленно закрыл папку и поднял на неё тяжёлый взгляд.

— Вы хоть понимаете, куда пришли? — его голос стал тише и опаснее. — Вы принесли мне ультиматум в мой дом. Вы принесли мне смерть моего врага и теперь требуете плату? Это... очень смело. Или очень глупо.

Алина не дрогнула. Она смотрела на него прямо, и в её серых глазах не было ни капли страха.

— Я пришла за тем, что принадлежит мне по праву. И я не уйду без этого.

В этот момент Марк почувствовал к ней нечто большее, чем просто раздражение или профессиональный интерес охотника к жертве. Это было почти восхищение её безрассудством. Она стояла перед хищником, вооружённая лишь бумажкой, и отказывалась дрожать.

Он встал из-за стола одним плавным движением. Он был выше её на голову и шире в плечах вдвое. Он навис над ней, подавляя своей аурой власти и физической силы.

— Хорошо, Алина Вернер, — его голос стал бархатным и низким, почти интимным. Он сделал шаг ближе, вторгаясь в её личное пространство. Она не отступила. — Я отдам долг.

Её губы чуть приоткрылись от удивления. Она явно ожидала угроз, отказа, вызова охраны. Но не этого.

— Но не деньгами, — закончил он.

Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на губах и снова вернулся к глазам.

— Цена — одна ночь с тобой. Здесь и сейчас. Молчание в обмен на моё тело на несколько часов.

В её глазах наконец что-то промелькнуло — вспышка шока, отвращения... и чего-то ещё. Первобытного страха? Или того же темного любопытства?

— Ты... ты чудовище, — прошептала она, но не отшатнулась.

Марк наклонился к самому её уху. Его дыхание коснулось её шеи.

— Я то чудовище, которое ты создала своим приходом, — выдохнул он. — Принимай условия сделки или уходи прямо сейчас. И помни: если ты выйдешь из этого клуба без моего согласия, ты не выйдешь из него живой.

В зале играла медленная музыка. Внизу смеялись люди, не подозревая о драме, разыгрывающейся в полумраке балкона. Алина стояла неподвижно, глядя в глаза человеку, который только что предложил ей самую грязную сделку в её жизни. И Марк видел по тому, как сжались её челюсти, что она уже приняла решение.

Она медленно протянула руку и забрала папку со стола.

— По рукам, Громов, — её голос был хриплым от напряжения. — Но это будет самая дорогая ночь в твоей жизни.

Он взял её за локоть — не грубо, но с той непреклонной силой, которая не оставляет выбора.

— Ошибаешься, девочка. Это будет последняя ночь твоей старой жизни.

Он повёл её через зал к лестнице наверх, в свои личные апартаменты. Они проходили мимо десятков людей, но для Марка они перестали существовать. Весь мир сузился до этой женщины рядом с ним и тихого щелчка замка за их спинами через несколько минут. Щелчка, который отсек их от реальности и запер в клетке.

Он отпустил её запястья так же внезапно, как и схватил. Алина безвольно уронила руки вдоль тела, не зная, что с ними делать. Она была растеряна и опустошена этой короткой схваткой.

Марк сделал шаг назад, разрывая контакт и давая ей пространство для дыхания.

— У тебя есть время до конца этой песни, чтобы решить окончательно, — сказал он ровным голосом, словно они обсуждали условия контракта за деловым обедом. Он кивнул в сторону двери, из-за которой доносился приглушённый ритм медленного трека. — Если ты уйдёшь сейчас — я забуду этот разговор и твой долг останется за тобой навечно вместе со всеми последствиями для твоей репутации и безопасности. Если останешься... ты моя до рассвета.

Он отошёл к бару и плеснул себе в стакан янтарную жидкость из хрустального графина.

— Выбор за тобой, Алина Вернер.

Она стояла у двери, тяжело дыша. Её мир только что перевернулся с ног на голову. Она пришла сюда как обвинитель, как вершитель правосудия, а оказалась в роли обвиняемой в самом унижительном преступлении — в слабости перед собственным телом перед лицом врага своего отца.

Она посмотрела на Марка. Он стоял у окна с бокалом в руке и ждал. Не торопил. Просто ждал её решения.

Внизу музыка сменилась на новую песню — тягучую, чувственную мелодию саксофона.

Алина медленно наклонилась и подняла с пола папку с документами. Её пальцы сжали кожаную обложку так сильно, что побелели костяшки. Долг отца... Справедливость... Всё это казалось таким далёким сейчас по сравнению с огнём, который разжёл в ней этот мужчина одним лишь прикосновением к шее.

Она выпрямилась и посмотрела ему прямо в глаза.

— Я остаюсь.

Слова упали в тишину комнаты как приговор самой себе.

Марк медленно повернулся к ней. Он не улыбнулся победно или самодовольно. На его лице появилось выражение мрачной решимости человека, который только что принял на себя ещё более тяжёлое бремя, чем он планировал.

Он поставил бокал на столик.

— Тогда иди сюда.

Это был не приказ короля рабыне. Это был зов одного дикого зверя к другому в ночной тьме их общего логова. И Алина сделала шаг ему навстречу.

Глава 2

Каждый её шаг по направлению к нему отдавался глухим стуком в висках. Алина двигалась, словно в густом тумане, где реальность искажилась до неузнаваемости. Это был не её мир. Здесь не действовали законы логики, права и морали. Здесь царил один закон — его закон. И она, юрист до мозга костей, добровольно шла на сделку с тем, кого поклялась уничтожить.

Марк не двинулся с места. Он просто смотрел на неё, и в его тёмных глазах не было ни капли торжества. Только тяжёлая, давящая сосредоточенность, словно он пытался запомнить каждую черту её лица перед чем-то неизбежным. Когда расстояние между ними сократилось до шага, он протянул руку. Не для того, чтобы схватить, а чтобы коснуться. Его пальцы скользнули по её скуле, убирая выбившуюся из строгой причёски прядь волос.

— Сними это, — его голос был хриплым.

Он не уточнил, что именно. Но его взгляд был прикован к её шее, к узлу галстука и верхним пуговицам блузки. Алина замерла. Это был момент истины. Одно движение — и она окончательно перейдёт черту, за которой нет возврата. Она подняла дрожащие руки к вороту. Пальцы не слушались, пуговица не поддавалась.

Марк тихо выдохнул, и в этом звуке смешались нетерпение и глухое раздражение. Он накрыл её руки своей ладонью, останавливая.

— Позволь мне.

Его пальцы были уверенными и быстрыми. Одна за другой пуговицы выскальзывали из петель. Ткань разошлась, открывая взору кружево простого, но элегантного белья. Прохладный воздух комнаты коснулся разгорячённой кожи, заставив её поёжиться. Марк не стал снимать с неё пиджак или блузку полностью. Он просто распахнул их, превращая строгий деловой костюм в символ её капитуляции.

Алина стояла перед ним полураздетая, уязвимая и дрожащая. Она ожидала грубости, напора, но Марк снова удивил её. Он не набросился на неё. Вместо этого он медленно провёл костяшками пальцев по её ключице, спустился к краю кружева на груди.

— Ты боишься меня? — спросил он тихо.

— Да, — честно выдохнула она.

Он едва заметно улыбнулся уголком губ. Это была не жестокая ухмылка хищника, а странная, почти нежная улыбка.

— Хорошо. Это... правильно.

Его рука легла ей на затылок, запутываясь в волосах и заставляя её поднять лицо. Их взгляды встретились. В его глазах она не видела похоти — там бушевал шторм. Темный, первобытный голод смешивался с чем-то похожим на горькую тоску.

А потом он поцеловал её.

Это не был нежный поцелуй влюблённых. Это было столкновение двух стихий: его — обжигающего пламени, и её — колючего льда. Он смял её губы своими, требуя подчинения. В этом поцелуе была вся его власть, вся его ярость и вся его одержимость. Алина попыталась сопротивляться инстинктивно, но его рука на затылке держала её стальной хваткой. И тогда лёд начал таять. Её губы дрогнули и приоткрылись под его напором.

Мир взорвался на тысячу осколков.

Поцелуй стал глубже, яростнее. Он пил её дыхание, а она задыхалась от новых, незнакомых ощущений. Его вкус — терпкий виски и что-то неуловимо мужское — кружил голову сильнее любого алкоголя. Алина сама не заметила, как её руки взметнулись вверх и вцепились

в его плечи, притягивая ближе. Она отвечала ему с той же отчаянной страстью, словно пытаясь доказать что-то самой себе или ему.

Марк издал низкий, утробный рык победителя и одним движением оторвал её от пола. Алина обхватила его ногами за талию, инстинктивно ища опору в этом безумном водовороте чувств. Он сделал несколько шагов и прижал её спиной к стене. Холодная поверхность лишь сильнее контрастировала с жаром его тела.

Его губы оставили в покое её рот и спустились ниже, к шее. Он целовал её жадно, оставляя влажные следы на коже. Когда он прикусил мочку уха, Алина тихо застонала от пронзившего её разряда тока. Этот звук словно сорвал последние остатки контроля с Марка.

Он рванул тонкую ткань блузки на себя. Пуговицы с сухим треском разлетелись по комнате. Звук был оглушительным в повисшей тишине. Марк отбросил остатки блузки в сторону и прижался к ней всем телом. Она чувствовала сквозь тонкое кружево белья и ткань его водолазки жар его кожи и твёрдость мышц.

— Ты моя сделка, Алина, — прошептал он ей на ухо между поцелуями. — Моя личная сделка на эту ночь. И я намерен получить всё до последнего цента.

Его руки были везде: на её спине, на бедрах под юбкой, сжимали ягодицы. Он не был нежным любовником из романов. Он был завоевателем. И сейчас он завоёвывал не просто тело — он ломал её волю, стирал границы между врагом и любовником.

Алина чувствовала, как реальность ускользает из-под ног. Остался только он: его запах, его вкус, тяжесть его тела и сводящее с ума трение там, где их тела соприкасались. Страх никуда не делся, но он смешался с чем-то тёмным и запретным — с острым удовольствием от этой опасной игры. Она больше не думала о долге отца или о справедливости. В этом полумраке существовал только этот мужчина и это безумие.

Марк подхватил её на руки так легко, словно она ничего не весила. Не разрывая контакта губами, он понёс её через комнату к массивной двери спальни. Щелчок замка прозвучал как финальный аккорд этой главы их безумной истории. Дверь закрылась за ними, отсекая последний путь к отступлению в мир здравого смысла. Они остались вдвоём в темноте спальни, где правила диктовала только страсть.

Глава 3

Дверь захлопнулась, отсекая их от внешнего мира. Тьма здесь была почти абсолютной, но обострённые чувства Алины рисовали картину ярче, чем дневной свет. Она слышала тяжёлое, прерывистое дыхание Марка и своё собственное, которое никак не могло выровняться. Он всё ещё прижимал её к себе, одной рукой поддерживая под бёдра, а другой зарывшись в волосы на затылке.

Он опустил её на кровать медленно, почти бережно, но в этом жесте не было нежности. Это было действие хищника, который укладывает свою добычу на алтарь. Его огромное тело нависло над ней, закрывая собой остатки света и воздуха.

— Ты дрожишь, — его голос был низким, вибрирующим. Это был не вопрос.

— Здесь холодно, — солгала она. В комнате было тепло, но её колотил внутренний озноб — коктейль из страха, адреналина и того запретного жара, который он в ней разжёл.

Марк тихо хмыкнул, и этот звук отозвался у неё в груди. Он провёл ладонью по её обнажённому плечу, смахивая бретельку бюстгалтера.

— Я согрею тебя.

Его слова прозвучали как клятва и как угроза одновременно. Он не целовал её. Он изучал. Его взгляд блуждал по её лицу, по разметавшимся волосам, по тяжело вздымающейся груди. В этом молчании было больше напряжения, чем в любых словах. Алина лежала неподвижно, парализованная его близостью и собственной противоречивой реакцией.

Наконец он наклонился. Его губы коснулись её ключицы — легко, почти невесомо. Это прикосновение было похоже на ожог от сухого льда: обжигающе-холодное и одновременно вызывающее дрожь во всём теле. Он проложил цепочку из таких поцелуев вверх по шее, к подбородку.

— Скажи мне «нет», — прошептал он ей в губы. — Сейчас. И я остановлюсь.

Это была ловушка. Грязная, жестокая игра. Он знал, что она не скажет «нет». Не после того, как она сама сделала выбор у двери. Сказать «нет» сейчас означало признать своё поражение не только перед ним, но и перед самой собой.

— Я... — её голос сорвался на выдохе, когда он слегка прикусил мочку её уха.

— Вот и ответ, — прорычал он.

В следующую секунду его губы накрыли её рот с сокрушительной силой. Больше не было ни осторожности, ни игры. Только чистая, необузданная страсть. Он целовал её так, словно хотел выпить до дна, присвоить себе каждый её вдох. Алина почувствовала, как последние бастионы её воли рушатся под этим натиском. Её пальцы сами собой зарылись в его волосы, притягивая его ближе.

Мир сузился до ощущений. До вкуса его губ. До тяжести его тела, вдавливающего её в мягкий матрас. До его рук, которые были везде: срывали остатки одежды, обжигали кожу, заставляли выгибаться ему навстречу.

Он оторвался от её губ лишь для того, чтобы стянуть с себя водолазку. В темноте она скорее почувствовала, чем увидела игру мышц на его спине и плечах. Он был воплощением грубой, животной силы.

Алина провела ладонями по его груди, чувствуя под пальцами бешеное биение его сердца. Оно колотилось так же неистово, как и её собственное. В этот момент стена между ними стала почти осязаемой: она — лёд, он — пламя. И их столкновение обещало быть взрывным.

Марк снова поймал её взгляд. В его глазах плескалась тьма.

— Ты понимаешь? — его голос был хриплым от желания. — Понимаешь, что пути назад нет? Ты моя сделка.

— Я... понимаю... — выдохнула она.

И это было правдой. Она понимала всё. Понимала, что совершает ошибку. Понимала, что этот мужчина — её враг. Понимала, что эта ночь изменит всё.

Но понимание больше не имело значения.

Он накрыл её собой полностью, и последняя мысль Алины перед тем, как реальность взорвалась калейдоскопом ощущений, была о том, что цена этой сделки оказалась непомерно высокой.

Она только что продала ему не долг своего отца.

Она продала ему свою душу.

Глава 4

Рассвет застал их в тишине. Тяжёлые бархатные шторы в спальне Марка были наглухо задёрнуты, не пропуская ни единого луча утреннего солнца, словно он хотел удержать ночь и всё, что в ней произошло, внутри этих стен. Алина проснулась первой. Она лежала на смятых простынях, чувствуя, как затекло тело от неудобной позы, и как горит кожа в тех местах, где её касались руки Марка. Воздух был пропитан запахом секса, дорогого парфюма и мужчины.

Она медленно села на кровати, прижимая к груди простыню. Комната была незнакомой, роскошной и чужой. Реальность обрушилась на неё ледяной волной, смывая остатки сонной неги. Вчерашняя ночь перестала быть пьянящим безумием и превратилась в холодный, острый осколок в груди. Она была здесь. Она это сделала. Она провела ночь с врагом.

Алина обвела комнату взглядом в поисках своей одежды. Блузка была безнадежно испорчена, пиджак валялся на полу у двери. Папки с документами нигде не было видно. Сердце пропустило удар. Сделка. Вексель. Всё, ради чего она пришла.

Она осторожно встала, завернувшись в простыню, и на цыпочках подошла к двери в гостиную. Дверь была приоткрыта. Из-за неё доносился тихий звук работающего телевизора и аромат свежесваренного кофе.

Марк сидел в кресле, спиной к ней. На нём были только тёмные домашние брюки. Его широкие плечи и мощная спина казались расслабленными, но Алина знала, что это обманчивое спокойствие хищника перед прыжком. На низком столике перед ним стояла чашка кофе, а рядом... лежала та самая папка с документами.

Алина замерла в дверях, не зная, что делать дальше. Просто взять папку и уйти? Потребовать аннулировать сделку? Или... она не успела додумать мысль.

— Кофе на столе, — сказал Марк, не оборачиваясь. Его голос был ровным, почти будничным, словно они обсуждали погоду, а не то, что произошло несколько часов назад. — И твой отец.

Одно слово заставило её вздрогнуть.

— Что? — хрипло спросила она.

Он наконец повернулся к ней. Его взгляд был непроницаемым, но в нём не было ни насмешки, ни торжества победителя. Только тяжёлая усталость.

— Присядь, Алина. Нам нужно поговорить о твоём отце и о том векселе.

Она медленно подошла к креслу напротив и опустилась в него, всё ещё прижимая к себе простыню. Марк кивнул на столик. Там действительно стояла вторая чашка кофе.

— Пей. Разговор будет долгим.

Она сделала глоток, обжигая язык, но даже не почувствовала боли.

— Мой отец... — начала она, но голос сорвался.

— Твой отец, Виктор Вернер, был блестящим финансовым консультантом. И гениальным мошенником, — спокойно продолжил Марк, глядя ей прямо в глаза. — Он строил финансовые пирамиды для «сливок» общества. Обещал золотые горы тем, кто и так купался в деньгах. Он был твоим героем?

Алина сглотнула. Воспоминания обожгли изнутри. Отец всегда был безупречен: дорогие костюмы, идеальные манеры, улыбка победителя.

— Он... он говорил, что помогает людям приумножить капитал.

— Он помогал им потерять совесть и остатки здравого смысла. А потом забирал всё себе. Когда пирамида начала рушиться, он пришёл ко мне.

Марк сделал паузу, отпивая кофе.

— Он не просил защиты. Он просил денег на новую аферу, чтобы покрыть убытки старой. Обещал баснословные проценты за неделю. Я отказал. Я не занимаюсь благотворительностью для мошенников.

Алина почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Образ отца рушился на глазах.

— Тогда он... он подделал документы? Украл?

Марк усмехнулся, но в улыбке не было веселья.

— О нет. Твой отец был слишком горд для этого. Он решил сыграть со мной в мою же игру. Он поставил всё на zero. Взял деньги из кассы одного из моих легальных проектов — небольшую сумму по моим меркам, но огромную для него — и вложил её в рискованную сделку на бирже через офшор. Он поставил эти деньги против меня.

— И... выиграл? — с замиранием сердца спросила Алина.

— Да. Ему повезло. Фортуна улыбнулась ему той ночью. Он утроил сумму за сутки.

Марк поставил чашку на стол и подался вперёд, упираясь локтями в колени.

— И тогда он совершил свою главную ошибку — гордость затмила ему разум окончательно. Вместо того чтобы тихо вернуть украденное и исчезнуть из города, он пришёл ко мне снова. Не просить прощения. Не возвращать деньги с процентами. Он пришёл показать мне вексель на предъявителя на всю сумму выигрыша плюс моральный ущерб за то, что я «посмел» отказать ему в кредите изначально.

Алина закрыла глаза рукой. Теперь всё встало на свои места. Тот самый вексель, который она нашла в сейфе отца после его смерти вместе с запиской: «Это моё искупление перед тобой». Отец знал, что играет с огнём, но его это было сильнее страха.

— Я мог бы убить его за это наглое предательство прямо там же, — голос Марка стал жёстким как сталь. — Но я поступил иначе. Я забрал у него этот вексель и сказал: «Виктор, ты только что подписал себе смертный приговор медленного действия». Я дал ему полгода жизни в достатке на те деньги, что он успел спрятать до нашей встречи. Полгода форы перед тем, как мои люди найдут его и заставят вернуть всё до копейки с процентами за страх.

Алина подняла на него полные слёз глаза.

— Его нашли через пять месяцев... в реке.

Марк кивнул:

— Да. Это были не мои люди. Кто-то из его бывших клиентов оказался умнее и быстрее меня. Или просто удачливее в своей мести.

Он взял папку со стола и протянул ей через столик.

— Вот почему этот вексель был важен для тебя? Ты хотела отомстить за отца? Доказать его правоту?

Алина взяла папку дрожащими руками.

— Нет... Я хотела спасти то небольшое честное имя, что у нас осталось! Мама умерла три года назад от стресса и позора, когда всё вскрылось! Все отвернулись от нас! Я продала квартиру матери, чтобы оплатить долги по налогам! Этот вексель... это было единственное доказательство того, что отец не был просто мелким жуликом! Что он смог обыграть систему! Что у него хватило духу бросить вызов такому человеку, как ты!

Она разрыдалась, закрыв лицо свободной рукой.

— Я хотела восстановить справедливость! А ты... ты всё превратил в грязь!

Марк долго молчал, глядя на неё. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на уважение к её отчаянной храбрости и жалость к её наивности.

— Справедливости нет, Алина, — тихо сказал он наконец. — Есть только сила и последствия выбора. Твой отец выбрал гордость вместо жизни. Ты выбрала месть вместо безопасности.

Он встал с кресла одним плавным движением и подошёл к ней вплотную. Алина замерла, боясь поднять глаза.

— Но я выбираю другое, — его голос стал мягче. Он взял её за подбородок и заставил посмотреть на себя. — Я выбираю оставить этот вексель тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.